

РАСШИРЕННЫЙ РАЗУМ И ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ*

Шевченко Сергей Юрьевич – кандидат философских наук, научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: simurg87@list.ru

В статье рассматривается проблема совместимости тезиса о расширенном разуме с концептом эпистемической ответственности. Эта проблема лежит на пересечении двух актуальных трендов развития эпистемологии добродетелей: исследования интеллектуальных качеств когнитивно «расширенных» субъектов и возвращения тематики эпистемической ответственности. В статье предложены возражения к двум внешне независимым позициям, принятие которых затрудняет либо вообще делает невозможным разработку понятия эпистемической ответственности? применимого к когнитивно «расширенным» субъектам интернет-пространства. Обе позиции могут быть проиллюстрированы следующим тезисом: «Раз субъект не может произвольно менять свои убеждения, мы не можем приписать ему ни эпистемическую ответственность, ни интеллектуальные добродетели, позволяющие брать на себя эту ответственность». В основе контраргументов к этому рассуждению лежит различие каузального и нормативного компонентов ответственности. Отсутствие первого позволяет нам характеризовать субъекта как не ответственного, отсутствие второго – как безответственного.

Предложены два концептуальных основания, позволяющих непротиворечиво рассуждать об эпистемической ответственности когнитивно расширенного субъекта. 1. Субъект может не нести ответственность за убеждения, источником которых было его эпистемическое окружение в цифровом обществе (его «когнитивные расширения»), но субъект несет ответственность за то, в каком именно окружении он оказался, какие когнитивные расширения он выбрал. 2. Быть эпистемически ответственным означает сознательно сокращать число возможных оправданий, делающих агента не ответственным из-за его каузальной зависимости от собственного окружения («когнитивных расширений»).

Ключевые слова: респонсibiliзм, расширенное познание, каузальность, агентность, цифровые технологии

* Исследование выполнено при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ (проект «Новейшие тенденции развития наук о человеке и обществе в контексте процесса цифровизации и новых социальных проблем и угроз: междисциплинарный подход», соглашение № 075-15-2020-798 (внутренний номер 13.1902.21.0022)). The study was carried out with the financial support of a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (project “Latest Trends in the Development of Human and Social Sciences in the Context of Digitalization and New Social Problems and Threats: An Interdisciplinary Approach”, Agreement No. 075-15-2020-798 (interior number 13.1902.21.0022)).

EXTENDED MIND AND EPISTEMIC RESPONSIBILITY IN A DIGITAL SOCIETY

Sergei Yu. Shevchenko – PhD in Philosophy, research fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation;
e-mail: simurg87@list.ru

The article deals with the problem of compatibility of the extended mind thesis with the concept of epistemic responsibility. This compatibility problem lies at the intersection of two current trends in Virtue Epistemology (VE): the study of extended cognition, and the return of VE to the topic of epistemic responsibility. I give objections to two seemingly independent positions; their acceptance makes it difficult or even impossible to make the concept of epistemic responsibility applicable to the agents of digital society whose cognition is extended. The core of both positions can be illustrated by the following thesis: “Since the subject cannot voluntarily change his/her beliefs, we cannot ascribe to him/her either epistemic responsibility or intellectual virtues that allow him/her to take responsibility”. The counter-arguments to this thesis are based on the distinction between the causal (responsibility-in) and normative (responsibility-for) components of responsibility. The absence of the former allows us to characterize the subject as not responsible, the absence of the latter as irresponsible.

I propose two conceptual foundations that can make possible the consistent talk about the epistemic responsibility of an extended subject. 1) The subject may not be responsible for the beliefs taken from the epistemic environment, but the subject bears significant responsibility for what environment he finds himself in. 2) Being epistemically responsible means deliberately reducing the number of possible causal excuses – excuses based on agent’s unresponsibility due to his causal dependence on his epistemic environment (‘cognitive extensions’).

Keywords: responsibilism, extended cognition, causality, agency, digital technologies

Введение. Цифровые пороки и интернет-добродетели

Тема познания, расширенного через использование цифровых технологий¹, сегодня активно обсуждается в рамках эпистемологии и социальных исследований науки и технологии. Часто предметом изучения являются эпистемические последствия использования отдельных цифровых технологий: поисковых сервисов [Lynch, 2016; Miller and Record, 2016], средства GPS-навигации [Munzer et al., 2006], и соци-

¹ Понятие «расширенного познания» (extended cognition) как деятельности «расширенного ума» (extended mind) само по себе является дискуссионными. Один из авторов концепции «расширенного ума» Э. Кларк с течением времени поменял

альных медиа [Boyd, 2019]. Речь идет, например, о том, что поисковые системы могут отдавать более высокий приоритет ложной или сбивающей с толку (misleading) информации, об ухудшении памяти и способности ориентироваться в пространстве из-за привычки полагаться на спутниковый навигатор, или об эпистемических пузырях или эхо-камерах, формирующихся в социальных медиа. В этой связи приобрели особенную интенсивность дискуссии о возможности считать агентов, «дополненных» цифровыми технологиями, ответственными за собственные убеждения или познавательную активность.

В контексте эпистемологии добродетелей это обсуждение происходит на пересечении двух трендов ее развития: разворачивания тезиса о расширенном разуме (или о расширенном познании – extended mind и extended cognition) и возвращения к проблематике эпистемической ответственности. При этом постановка проблемы расширенного познания в терминах эпистемологии добродетелей может осуществляться как продолжение ее релейабилитской [Kelp, 2013; Pritchard, 2018] или респонсибилистской [Battaly, 2018] линий. А может – как дополнение функционалистского подхода теоретиков расширенного разума, позволяющее говорить о разной степени успешности дополнения когнитивных возможностей человека [Carter, 2018]. Второй из названных трендов, связанный с вопросом об эпистемической ответственности, около 30 лет назад дал толчок развитию респонсибилизма [Montmarquet, 1992], но затем на некоторое время пропал из фокуса внимания представителей этого направления эпистемологии добродетелей. В последние годы эта проблема вновь оказалась на острие теоретических и прикладных дискуссий. Дело в том, что ее практическая значимость выросла в связи с бурным развитием цифровых технологий [Simon, 2015], а в последние два года – с использованием этих технологий для распространения ложной информации о новой коронавирусной инфекции [Levy, Savulescu, 2020]. Наиболее сложный и значимый аспект эпистемической ответственности связан как раз с зависимостью познающего субъекта от эпистемического окружения, которое во все большей степени

свои представления о критериях такого расширения, о чем речь ниже. В начале статьи дадим общее представление об агенте, «расширенном» через использование цифровых технологий. Необходимо, чтобы агент стабильно и, в основном, неререфлексивно использовал некоторую технологию в рамках решения определенного типа когнитивных задач, тогда его можно признать «расширенным». Например, вода машину, я привык полностью полагаться на навигатор и не подвергать сомнению его указания.

Также необходимо уточнить, что под когнитивным расширением может пониматься широкий спектр проявлений «расширенного ума». В данном тексте основной акцент сделан на «расширенном» за пределы черепной коробки процессе формирования убеждений и поиска их обоснований.

представлено поисковыми сервисами и социальными медиа. В рамках данной статьи такую зависимость убеждений субъекта мы будем рассматривать как его когнитивное расширение. Соответственно самого субъекта можно считать носителем «расширенного разума», что вполне вписывается в значение, придаваемое этому понятию его авторами [Clark, Chalmers, 1998]. Также такое рассмотрение вполне вписывается в современные дискуссии об эпистемологическом значении цифровых когнитивных расширений [Heersmink, 2018].

В общем виде мои аргументы о значимости эпистемической ответственности в цифровом обществе и о совместимости концепции когнитивного расширения и эпистемологии добродетелей заключаются в следующем:

Те, кто критикует концепт эпистемической ответственности, промахиваются мимо цели. В эпистемологии добродетелей речь идет в первую очередь не о возможности привлечь кого-то к ответу за разделяемые убеждения, а об ответственных практиках познания, о том, что субъект должен обладать ответственностью как чертой интеллектуального характера. Второе является условием первого: для того, чтобы осуществлять атрибуцию ответственности (призывать к ответу), мы должны сначала уметь различать эпистемически безответственных и ответственных субъектов (знать различие порока и добродетели). То сообщество, в котором мы находимся, и наше эпистемическое окружение в целом должны сначала предоставить нам примеры ответственных или безответственных (добродетельных или порочных) практик познания. А уже затем благодаря их усвоению мы учимся оценивать свою и чужую эпистемическую активность в терминах эпистемических добродетелей или пороков.

Далее, «быть эпистемически ответственным» значит обладать одной из главных эпистемических добродетелей. Ее отсутствие – безответственность – означает нежелание быть познающим субъектом, осуществлять эпистемическую агентность, а значит, и проявлять все остальные добродетели, вроде интеллектуального усердия или любви к знанию. Если, познавая или делясь своими убеждениями, некто готовится при случае дать оправдания вида «я всего лишь передал то, что говорил S», – он демонстрирует свое нежелание быть эпистемическим агентом, а значит, и добродетельным эпистемическим агентом. То есть, если субъект познания, совершая то или иное действие, уже готовится указать на свою полную каузальную зависимость от обстоятельств или окружения – он поступает безответственно. Именно к таким оправданиям чаще всего прибегают субъекты цифрового общества, распространяющие непроверенную информацию: например, через репосты в социальных сетях.

Значительная часть из сказанного может быть переведена на язык этики добродетелей. Роль сообществ в понимании и развитии добродетелей раскрыта Аласдером Макинтайром [MacIntyre, 2007].

А понимание безответственности как отказа взять на себя ответственность и тем самым деятельно проявить свою агентность изложено в «Философии поступка» Михаила Бахтина [Бахтин, 2003]. Но простое заимствование этических концепций не решает проблему эпистемической ответственности (когнитивно расширенных) субъектов цифрового общества. Ведь субъект познания гораздо менее властен над своими убеждениями, чем моральный субъект над деяниями. Я по своей воле могу не переводить слепого через дорогу, но произвольно заставить себя поверить, что Волга не впадает в Каспийское море, не могу.

Собственно, рассмотрению роли каузальной связанности субъектов цифрового общества и будет посвящена основная часть статьи. В рамках нее я постараюсь показать, что концепция эпистемической ответственности как значимой добродетели вполне совместима с представлениями о «расширенном разуме». Вместе с тем, анализ форм эпистемической зависимости субъекта познания позволит еще раз подчеркнуть несводимость эпистемологии добродетелей к моральной философии.

Автономия разума рождает чудовищ, или Ответственность как одиночество

При взгляде на современные работы, посвященные проблемам эпистемических добродетелей и эпистемической ответственности, может сложиться впечатление, что речь идет о двух связанных, но все-различных вопросах. Однако респонсибилизм начинался именно с проблематизации эпистемической ответственности, что и выражено в названии этой линии развития эпистемологии. В статье Л. Коуд [Code, 1984], послужившей одной из стартовых точек развития респонсибилизма, выдвинуто сразу несколько значимых для нашего рассмотрения тезисов:

1. Релейбилистские эпистемические добродетели, обеспечивающие надежность познания, могут быть приписаны и «пассивным» инструментам познания вроде вычислительных устройств [ibid., p. 40].

2. Отдельные люди и их группы – эпистемические агенты иного рода, и их агентность может быть нормативно оценена с точки зрения их эпистемической ответственности.

3. Эпистемически ответственное поведение – главная добродетель, из которой берут начало все остальные положительные интеллектуальные качества. Ее главенство, например, над мудростью, обусловлено социальной природой познания [Code, 1984, p. 42]. Условный Робинзон может быть мудрым, но не может быть эписте-

мически ответственным до тех пор, пока не попытается вступить с кем-то в коммуникацию.

Как мы видим, в изначальной концептуализации эпистемической ответственности уже расставлены акценты на том, что познание – активный процесс, и на том, что он всегда осуществляется агентом, включенным в определенную эпистемическую экосистему. Именно развитию такого экологического взгляда на познание посвящены более поздние работы Коуд [Code, 2006]. Однако проблемы с эпистемической ответственностью (и с ее приложением к интернет-взаимодействию) выводятся многими авторам из противопоставления двух основных черт изначальной концепции – агентности и включенности.

Известный аналитический философ Стивен Хетерингтон полагает, что само понятие эпистемической ответственности покоится на скрытой дилемме [Hetherington, 2002]. Чтобы сформулировать ее в явном виде, он заимствует из сферы моральной философии представление о двухкомпонентном характере ответственности. Первый, каузальный ее компонент необходим для того, чтобы мы вообще могли поставить вопрос о том, насколько ответственно действовал некто. Нельзя быть каузально ответственным за (responsible-for) то, к чему агент не имел отношения. Например, водитель, у которого внезапно случился инсульт, не ответственен за аварию. Делая следующий шаг, обращаясь ко второму компоненту, мы ставим вопрос о самой нормативной оценке деяния и совершившего его агента (responsible-in). Так, человека, севшего за руль пьяным, мы назовем безответственным, т.е. признаем его поступок недопустимым. В первом, каузальном, смысле противоположность ответственности является не-ответственностью, во втором, нормативном – безответственностью.

Вместе с тем можно представить, что пьяный виновник ДТП говорит в свое оправдание: «Я нажал на тормоз, но слишком поздно. Задержка моей реакции связана с тормозящим эффектом алкоголя, изменить который я не в силах». В этой ситуации мы считаем водителя ответственным не за то, что алкоголь обладает эффектом на нервную систему, а за то, что тот сел за руль пьяным. Мы сочтем безответственными его призывы снять с себя каузальную ответственность. Предлагаемая в конце статьи концепция отталкивается от схожих рассуждений: эпистемически ответственным поведением может быть признано то, что ведет к расширению сферы каузальной ответственности за свои убеждения. Или, что то же самое, оно ведет к сужению сферы не-ответственности за них. То есть ответственный прохожий из примера выше должен предпринять действия, в результате которых ему сложнее будет оправдаться фразой «Мне так показал навигатор».

Возвращаясь к понятию эпистемической ответственности у Хетерингтона, отметим, что он совершенно справедливо отмечает неспособность агента усилием воли поменять свои убеждения. Если

же мы примем противоположную посылку о волюнтаристском характере убеждений, значит, понятие обоснованности (justification) убеждения теряет всякий нормативный смысл. Тогда мы вынуждены будем признать, что тот же самый агент, обладая теми же самыми основаниями, мог бы не обладать теми же убеждениями, каких придерживается. В общем виде дилемму Хетерингтона можно изложить так:

Либо каузальный компонент эпистемической ответственности слаб, и тогда мы не можем перейти к следующему шагу – собственно нормативной оценке. То есть эпистемический агент не обладает достаточной каузальной эффективностью и за основаниями J всегда должно следовать принятие некоторого убеждения [Hetherington, 2002, p. 400].

Либо каузальный компонент достаточно силен, некто может свободно придерживаться или не придерживаться некоторого убеждения, обладая основаниями J. Но тогда, почему мы вообще считаем J хорошими или достаточными основаниями для формирования искомого убеждения? [ibid., p. 402] Если на основании J можно помыслить иначе, значит, наши обвинения или похвала – просто произвол.

Возражение ко второму острию дилеммы будут приведены в заключительном разделе статьи, при схематичном изложении концепции эпистемической ответственности.

Аргументы против эпистемической «обреченности», содержащейся в первом острие, будут раскрыты в следующем разделе. Как уже отмечалось выше, именно на посылках, предполагающих такую обреченность и исчезновение эпистемической агентности, строится тезис о несовместимости эпистемологии добродетелей и концепции расширенного сознания.

Немецкий философ Лукас Швенгерер [Schwengerer, 2020] по своему выражает эту обреченность, критикуя один из вариантов концепции интернет-добродетелей [Heersmink, 2018]. Швенгерер говорит о несовместимости респонсибилизма и концепции расширенного сознания, считая выражением такой несовместимости то, что интернет-пользователь не может быть *одновременно* «расширенным» и добродетельным. Пример такой несовместимости, аналогичный тому, что приводит Швенгерер, изложен в первой части статьи. Отзывчивый прохожий либо доверяет навигатору (и тогда он когнитивно «расширен»), либо критически относится к схеме на экране (и тогда добродетелен, но не расширен).

В своей статье Швенгерер критикует только изначальную версию концепции расширенного сознания, предложенную Э. Кларком и Д. Чалмерсом [Clark and Chalmers, 1998]. Обычно ее содержание кратко излагается через мысленный эксперимент. Представим, что

у Отто болезнь Альцгеймера, и у него случаются провалы в памяти. Для того чтобы их компенсировать, он старательно вносит важные сведения в записную книжку, которую носит с собой. Отто «когнитивно расширен» только тогда, когда пользуется этим предметом так же, как и своей памятью, т.е. не рефлексивует, извлекая информацию из книжки. Герой примера из статьи Швенгерера, посетитель музея, пользуется поисковиком Google, предоставляя информацию посетителям об экспонатах. Он всегда зачитывает им текст, доступной по самой первой ссылке, не раздумывая, насколько эти сведения похожи на правду. В этом смысле он похож на Отто и на отзывчивого прохожего. Но, продолжает Швенгерер, представим, что другой посетитель более вдумчиво пользуется поисковиком, критически относится к порядку выдачи результатов и т.д. [Schwengerer, 2020, p. 4]. Его тоже можно назвать когнитивно расширенным, но в меньшей степени. Швенгерер предлагает рассматривать понятие когнитивного расширения как имеющее степени и разные конфигурации, исходя из различий в длительности, стабильности, интенсивности расширения [ibid., p. 8].

Эти размышления можно истолковать как смягченную версию первого острия дилеммы Хетерингтона. Эпистемический агент может быть ответственным (интеллектуально добродетельным) только в той степени, в какой он каузально независим от того, что находится за пределами его черепной коробки. Немного эпистемической ответственности, по Швенгереру, совместимо с неполным когнитивным расширением. Но сам по себе респонсибилизм и концепция расширенного сознания несовместимы. Задача же данной статьи – продемонстрировать их совместимость и пригодность для выработки концепции эпистемической ответственности как основной интеллектуальной добродетели цифрового общества. Но перед этим приведу возражения к представленным здесь позициям.

Возражения. К возможности эпистемической ответственности

Хетерингтон полагает, что для приписывания эпистемической ответственности необходимо (но недостаточно) признать докстический волюнтаризм – способность агента произвольно формировать свои убеждения. Словно узник платоновской пещеры мог бы просто заставить себя поверить, что перед ним объемные предметы, когда он смотрит на их тени. И если он не сделает этого – он эпистемически ответствен за свой отказ. Но в таком требовании докстического волюнтаризма как раз и кроется разрыв Хетерингтона

с изначальным пониманием эпистемической ответственности. Коуд пишет об ответственности за познавательную активность, приписываемую агенту, включенному во множество связей с вещами, людьми и институтами. Узник пещеры ответственен не тогда, когда отказался поверить в то, во что не верит, а тогда, когда не воспользовался возможностью самому проявить познавательную активность. Представим, что к нему вернулся знакомый, также находившийся в пещере, а затем побывавший на поверхности земли, и теперь говорящий о трехмерных предметах. Знакомый освобождает узника и предлагает пойти с собой или хотя бы повернуть голову к самим вещам, но тот отказывается. То есть узник свободен не в формировании убеждений, а в выборе способа их формирования, особенно если такие способы были ему предложены.

Я предлагаю кратко разобрать три возможные формулировки основной предпосылки первого острия дилеммы Хетерингтона, показывая, что они слишком узко трактуют познание и знание.

Во-первых, Хетерингтон чересчур ограниченно понимает когнитивную агентность. Познающий субъект Хетерингтона как бы появляется из ниоткуда уже взрослым и неспособным учиться, он способен лишь «принимать во внимание» доказательства заранее установленным способом, и никто другой не может повлиять на этот способ. Во время появления статьи Хетерингтона Коуд уже представила критику идеологии «автономного разума», согласно которой пассивный субъект нейтрально впитывает основания некоторого убеждения, не воздействуя на познаваемые объекты [Code, 1991, p. 110–113; Code, 1993]. Как мы видим, первое острие дилеммы сочетает отрицание эпистемической ответственности с отказом от возможности агенту быть когнитивно расширенным или хотя бы вписанным в обмен знаниями.

Во-вторых, Хетерингтон скрыто опирается на жесткое разграничение контекста открытия и контекста обоснования. При этом логические позитивисты, разграничивая эти понятия, стремились освободить открытие от ограничений строго индуктивной модели науки. То познание, о котором говорит Хетерингтон, наоборот, находится в ее рамках. Познающий субъект Хетерингтона не может совершить открытие, более того, он не способен принять или помыслить альтернативную гипотезу, по отношению к которой некоторые свидетельства обладают некоторой обосновывающей силой. А сравнение силы обоснований в пользу альтернативных гипотез как раз и способно связать контексты открытия и обоснования [Campbell, 1998].

В-третьих, взгляды Хетерингтона на познание можно интерпретировать через понимание знания как уверенности, не оставляющей места сомнениям (подробнее об этом взгляде см.: [Васильев, 2014, с. 64–65]). Но субъект Хетерингтона вообще не способен сомневаться,

у него отсутствует способность к контрфактическому мышлению². Более того, знания этого субъекта никогда не могут относиться к вопросу о том, что же считать надежным, подходящим и т.д. обоснованием некоторого убеждения.

Возражения к позиции Швенгерера можно изложить как конкретизацию критики допущений Хетерингтона. Герой его мысленного эксперимента, Готто, смотритель музея, обладает такими же проблемами с памятью, как и обладатель записной книжки Отто. Благодаря интернет-поисковику смотритель может быть эквивалентен человеку с хорошим историческим образованием – так же, как Отто эквивалентен человеку с хорошей памятью. Швенгерер признает, что между Отто и Готто есть различие: первый сам помещает записи в книгу, Готто не имеет никакого контроля над той информацией, которой пользуется [Clark, Chalmers, 1998, p. 5]. Кларк и Чалмерс считают такое одобрение сведений, размещаемых в записной книжке, условием когнитивного расширения [ibid., p. 17]. Швенгерер не согласен с этой позицией, он делает акцент на том, что артефакты, расширяющие познающего агента, должны использоваться им без рефлексии, критики и оценок. В более поздней работе Кларк действительно подробно раскрывает такой автоматизм как критерий расширения [Clark, 2010]. А именно такой автоматизм, по Швенгереру, противоречит добродетельному (ответственному) поведению эпистемического агента. Этот тезис можно критиковать с двух позиций, рассматривая обоснованность его посылок.

Во-первых, критикуя сочетание респонсibiliзма и концепции расширенного сознания, Швенгерер имеет в виду, что агент не может одновременно быть расширенным и демонстрировать полностью эпистемически ответственное поведение. Но такая одновременность и не необходима. Высококласный водитель может ездить по улицам, сознательно не контролируя свои действия, считать себя и машину одним агентом. Но это не освобождает его от необходимости проходить техосмотр. Расширенный субъект интернет-пространства мог проявить ответственность (как добродетель) в момент выбора релевантного источника, которым может пользоваться дальше, без постоянного критического надзора. Когда позже он был бы призван к ответу, он отвечал бы в первую очередь за этот выбор. Готто Швенгерера – просто недобродетельный расширенный агент, но если бы он все так же автоматически черпал свои убеждения из релевантного электронного источника, он был бы добродетельным.

Во-вторых, Швенгерер считает, что невозможно сомневаться в собственных убеждениях или подвергать критике автоматическую (бессознательную) познавательную активность. То есть с когнитив-

² В этой связи можно поставить вопрос о том, оставляет ли признание такой неспособности хоть какой-то смысл в приведенном выше определении знания.

ной точки зрения невозможно, основываясь на найденном в Итернете прогнозе, быть убежденным, что завтра будет солнечно, и одновременно понимать, что этому прогнозу нельзя доверять стопроцентно. Тезис о такой невозможности можно также счесть необоснованным ограничением в понимании когнитивной агентности³.

Формы зависимости: от языка до злого демона

Итак, мы не можем говорить об ответственности субъекта, который не различает обоснования по их силе и релевантности, который существует изолированно и не способен хотя бы иногда чередовать автоматическое пользование источниками знания и проверку их релевантности. Таким субъектом оказывается и беспрекословно верящий интернет-поисковику герой примера Швенгерера. Но мы не считаем большинство эпистемических агентов подходящими под приведенное описание. Тем не менее субъекты цифрового общества «вписаны» в сети обмена знаниями – часто настолько плотно, что их можно назвать когнитивно расширенными благодаря доступу в Интернет, к системам спутниковой навигации и к данным «умных часов» о состоянии собственного организма.

В этой ситуации мы сталкиваемся с задачей, в некоторых моментах похожей на построение теории моральной ответственности, совместимой с той или иной формой детерминизма. В этой связи можно направить усилия на доказательство того, что убеждения агента находятся под его непосредственным контролем [Rettler, 2018]. При этом контроль можно толковать либо как возможность усилием воли сменить свои убеждения на другие, либо в том смысле, что агент контролирует те процессы, благодаря которым приходит к этим убеждениям. Ни одна из альтернатив не предполагает, что агент абсолютно независим от неподконтрольных ему факторов. Среди таких факторов могут быть собственно те знания, которые агент черпает благодаря своему окружению или «расширению». Примирить эти факторы с контролем во втором смысле (т.е. контролем над процессами познания) кажется более легкой задачей, чем та, с которой сталкиваются моральные философы, занятые созданием компатибилистских

³ Говоря о возможности совместить респонсибилизм и концепцию расширенного сознания, невозможно не упомянуть работу известного эпистемолога Х. Баттали на эту тему [Battaly, 2018]. Баттали также критикует возможные возражения против совмещения этих двух линий развития философии. Но при этом она лишь вскользь упоминает проблему эпистемической ответственности, поэтому ее взгляды здесь подробно не излагаются.

теорий. Разрабатывая концепцию эпистемической ответственности, мы не обязаны ставить вопрос о том, насколько чьи-то убеждения и познавательная активность предопределены физическим состоянием мира. Достаточно представить точку зрения, позволяющую идентифицировать агента, который будет признан когнитивно расширенным и вместе с тем эпистемически безответственным или, наоборот, ответственным (т.е. подвергнутым нормативной оценке за собственную).

Но среди факторов, в каком-то отношении связывающих агента, может быть и язык, заставляющий нас обращаться к устоявшимся формам выражения мысли (концептам). Кажется, что интенционалы и экстенционалы концептов находятся вне нашего контроля, поэтому никто не может быть ответственен за употребление понятий, оскорбляющих тех, по отношению к кому они употреблены. Например, какие-то люди счесть своих более бедных знакомых, выросших в семье рабочих, вульгарными, невоспитанными и лишенными достоинства [Goetze, 2019]. Кажется, что эти люди всего лишь используют устоявшуюся в их кругу систему понятий, обозначающую определенные виды поведения. Эта система существовала до их рождения, и они не ответственны за ее появление. Они легко могут оправдать употребление указанных характеристик тем, что просто желают быть понятыми собеседником со сходным культурным багажом. Но вместе с тем эти же люди могут легко осознать ограниченность такого багажа, расширить свои представления о нормах поведения и начать использовать такие понятия, как «простота» и «непосредственность», для описания тех же действий, которые они раньше характеризовали как «вульгарные». Такую смену способов выражения можно счесть проявлением чувствительности к доводам (reasons-responsiveness) [ibid]. Концепция такой чувствительности лежит в основе целой группы компатибилистских теорий моральной ответственности, т.е. теорий, совмещающих моральную ответственность с детерминизмом [Sartorio, 2016]. Отталкиваясь от чувствительности к доводам, автор приведенного выше примера Т. Гетце находит возможность говорить об ответственности за концепты (conceptual responsibility) как о моральной ответственности [Goetze, 2019]. Но вместе с тем то, что движет людьми, пересматривающими свою систему понятий, можно расценивать и как проявление эпистемической ответственности. Они не просто перестают употреблять слова, которые могут кого-то ранить, заменяя их более нейтральной формулировкой. Они вносят свой вклад в изменение распространенного в определенных социальных группах неявного знания о нормах поведения. Эти люди делают представления о непосредственности более полными, а о вульгарности более функциональными⁴. Их активность можно как минимум

⁴ В этом смысле речь идет не о словах «вульгарность» или «непосредственность» как инструментах морального действия, а собственно о вульгарности или непо-

с одинаковым успехом описать и в этических, и в эпистемологических терминах.

Некоторая вариация чувствительности к доводам может служить основанием и эпистемической ответственности. При этом такая чувствительность (опять же, некоторая ее вариация) не требует наличия у агента рефлексии по отношению к доводам как причинам выбрать иную форму когнитивной активности [Sebastián, Rudy-Hiller, 2021]. В моральном плане я могу несознательно изменить свое текущее поведение под влиянием внешних причин. Например, подхватывая выпадающую из рук собеседника перчатку, я осуществляю нормативно окрашенное действие. Точно так же герой примера из начала статьи, отзывчивый прохожий, может при взгляде на экран смартфона ощутить, что наблюдаемая им картина отлична от ожидаемой. В конечном итоге это поможет установить, что с его когнитивным расширением что-то не так. Ведь важной особенностью концепций, предполагающих когнитивные расширения (так называемых 4E-концепций), является подчеркивание плотности петель обратной связи между частями коллективного агента – использование «расширяющего» артефакта зависит от агента, но и агент оказывается зависим от артефакта. Эксперименты показывают, что люди вращают детали в игре «Тетрис» не в воображении, а на экране устройства [Kirsh, Maglio, 1994]. Но при этом нельзя сказать, что игроки не контролируют эти действия. И уж совсем абсурдным было бы признать, что из-за такого когнитивного расширения нельзя вынести суждение, кто лучший, а кто худший игрок.

Известная представительница респонсибилизма Л. Загзебски, напротив, настаивает, что эпистемическая агентность всегда имеет рефлексивный центр. Разумеется, интеллектуальные добродетели, позволяющие агенту быть эпистемически ответственным, – это качества, которые нельзя в базовом смысле не расценивать как человеческие. То есть это качества человека, наделенного самосознанием. Но для эпистемически ответственных действий человека, социального института или расширенного агента осознанное планирование познавательной активности вовсе не является обязательным условием. Загзебски сравнивает влияние на агентность контрфактического манипулятора в духе мысленных экспериментов Франкфурта и злого демона, непосредственно меняющего чьи-то убеждения [Zagzebski, 2001]. Манипулятор хочет, чтобы дегустатор сказал, что только что попробовал Шато-Марго. Если из десятка стоящих перед ним бокалов дегустатор выберет другой сорт вина, манипулятор изменит его вкусовые ощущения. Но дегустатору везет, он берет бокал с шато-марго и говорит, что попробовал шато-марго. В этой ситуации

средственности как социальных детерминантах, изменить которые можно, дополняя распределенное знание о них [Capellen, 2018].

Загзебски готова признать, что дегустатор обладает знанием и несет ответственность за свои убеждения [Zagzebski, 2001, p. 148].

Злой демон у Загзебски действует гораздо активнее: в течение долгого времени он меняет некоторые истинные убеждения дегустатора на ложные, и наоборот, а в некоторых случаях оставляет его в покое. Представим, что момент, когда дегустатор тянется за шамарго и пьет его – именно такой случай. В этой ситуации Загзебски считает невозможным с уверенностью говорить о знании и еще более неуместным – об ответственности. Ведь демон внедрил не в когнитивную периферию, область ощущений, а в рефлексирующий центр [ibid., p. 149–150].

Но представим, что дегустатор в период вмешательства демона постепенно понимает, что с ним творится что-то неладное, и расценивает происходящее с собой как психический недуг. В такой ситуации он может проявить ответственность, отказавшись оценивать вкус вина. И даже если демон запретит ему думать о психическом недуге, вокруг дегустатора может остаться окружение, желающее ему помочь и удержать от опрометчивых действий. Это окружение также будет текущим проявлением прошлой эпистемически ответственной активности дегустатора, своего рода его когнитивным расширением.

Два тезиса об эпистемической ответственности в цифровом обществе

Эпистемическое окружение агента говорит о его добродетелях, возможно, даже больше, чем те убеждения, которых он придерживается и которые распространяет. Взглянув на собранную человеком библиотеку, подчас можно сказать о его интеллектуальных качествах больше, чем после часа откровенного разговора. Напомню, что эпистемическая ответственность рассматривается здесь вслед за Л. Коуд именно как интеллектуальная добродетель. Возможно, формула «ответственность – это добродетель» звучит не совсем верно по-русски, но, называя кого-то ответственным познающим агентом, мы приписываем ему эпистемическое качество, достойное похвалы. Это качество может – даже скорее, должно – развиваться и нуждается в периодическом проявлении. В этом нет ничего странного – современные респонсibiliсты часто отсылают к аристотелевской концепции интеллектуальных добродетелей как качеств, которым можно научиться.

Эпистемическая ответственность как добродетель тесно связана с ответственностью как атрибуцией, но все же эти два аспекта можно различить (см. введение). Перед тем как призывать субъекта к ответу, т.е. характеризовать его как ответственного или безответственного, мы

должны понимать, что такое эпистемическая ответственность как добродетель и ее отсутствие как порок. То есть для атрибуции ответственности нам нужна содержательная концепция ответственности как добродетели. Обычно мы постигаем ее, воспринимая ряд примеров проявления эпистемической ответственности или безответственности. Однако вместе с тем, проявляя эпистемическую ответственность, субъект осуществляет ее атрибуцию по отношению к себе. При этом такой субъект избегает не безответственности, а не-ответственности. Он не желает в будущем оправдываться своей зависимостью от эпистемического окружения, списывая любые ошибки, например, на собственные когнитивные расширения. Для этого субъекту достаточно обладать знанием о каузальных критериях приписывания ответственности. Иными словами, если я хочу обоснованно охарактеризовать кого-то как эпистемически безответственного, я должен понимать сходства характеризуемого с примерами эпистемической безответственности. Но представим, что я нахожусь в новой для себя познавательной ситуации и думаю, как поступить ответственно, при этом известные мне примеры эпистемической ответственности выглядят неподходящими для их прямого применения. В таком положении я могу применить гораздо более универсальный инструмент: свое знание о каузальном критерии ответственности, позволяющее ее атрибутировать агенту или снимать с него. И, поступая ответственно, я буду сокращать число возможных вариантов снятия с себя ответственности по каузальным мотивам.

Цифровое общество глобально и не обладает единым пониманием эпистемической ответственности как добродетели. В нем существуют разные группы, некоторые из которых могут предложить более операциональную и проработанную концепцию эпистемической ответственности как добродетели (например, интернет-сообщество врачей, обсуждающих новые клинические рекомендации). Но понимание эпистемических добродетелей никогда не станет гомогенным. Вместе с тем отдельный эпистемический агент не связан полностью уже имеющимися в его окружении концепциями. В сложной или новой для себя обстановке он может опереться на каузальный критерий приписывания ответственности и постараться не снимать с себя эту ответственность в наибольшем числе достижимых «возможных миров».

Итак, предложу первый тезис концепции эпистемической ответственности, касающийся возможности ее атрибутировать:

Субъект может не нести ответственность за убеждения, источником которых было его эпистемическое окружение в цифровом обществе (его «когнитивные расширения»: спутниковый навигатор, интернет-поисковик, социальные медиа), но субъект несет ответственность за то, в каком именно окружении он оказался.

Итак, мы можем судить героя примера Швенгерера Готто, потому что тот выдает за чистую монету исторические байки, доверившись

интернет-поисковику. Но мы судим не о самой истинности рассказанных нам историй, а о решении Готто выбрать в качестве доверенного источника поисковик. И мы расцениваем это прошлое его решение и текущее следование ему как безответственное.

Если бы мы судили сами убеждения или Готто за убеждения, он бы мог справедливо возразить, что не властен усилием воли их изменить. В источнике, который он считал заслуживающим доверия, было так написано. Мы выносим Готто нормативную оценку на основании выраженных им убеждений, мы призываем его к суду, отталкиваясь от них. Но Готто достоин порицания за выбор источника убеждений – за деяние, демонстрирующее его эпистемические пороки, а не за убеждения.

Однако Готто может предложить новое оправдание: его знакомые по интернет-сообществу музейных зрителей признавались, что всегда так делают. Готто не в силах в одиночку изменить правила сообщества, к которому принадлежит. Регресс каузальных оправданий может быть бесконечным, Готто может очень долго говорить о том, почему он не ответственен за распространяемые убеждения. Но мы-то заключаем, что он безответственен в эпистемическом смысле. Отсюда второй тезис, касающийся содержания эпистемической ответственности как добродетели:

Быть эпистемически ответственным означает сознательно сокращать число возможных оправданий, делающих агента не ответственным из-за его каузальной зависимости от собственного окружения («когнитивных расширений»).

То есть, эпистемически ответственные действия агента направлены на то, чтобы избежать вариантов развития событий, в рамках которых он был бы признан не ответственным за свои убеждения⁵ или познавательную активность.

То есть в момент совершения действия такой агент стремится уменьшить собственные возможности каузально оправдаться в будущем. Применение изложенной в этих двух тезисах концепции можно рассмотреть на двух уровнях. На первом из них агент пытается контролировать базовые условия каузальной ответственности – непосредственно подконтрольную ему надежность (в релейабилитском смысле). На втором – и о нем в основном и шла речь – происходит расширение сферы каузальной ответственности. Именно о такого рода поведении чаще говорят как об ответственном. Представим, что Готто сказал нам, что некая статуя изготовлена в 1390 г. н.э. Но мы знаем, что ее автор – ученик Фидия, и она может быть изготовлена 390 г. до н.э. Готто может начать оправдываться тем, что, когда он читал про статую на интернет-сайте, ему показалось, будто там

⁵ Субъект может нести эпистемическую ответственность за свои убеждения, но интеллектуальная добродетель, выраженная как «быть эпистемически ответственным», не может быть приписана ему только исходя из его убеждений.

указан 1390 как год создания. «Показалось» можно истолковывать как каузальное оправдание первого уровня. Ошибки в чтении могут быть и при знакомстве с наиболее релевантным источником. Умение внимательно читать – положительное интеллектуальное качество, и в данном примере оно необходимо агенту, чтобы быть ответственным. Но обычно обладания им недостаточно, чтобы мы удостоили его носителя более высокой похвалы, назвав ответственным в эпистемическом смысле. Эту добродетель мы можем охарактеризовать как относящуюся к более высокому уровню.

Перед нами два уровня интеллектуальных качеств расширенного агента, позволяющие ему осуществить как свою эпистемическую агентность, так и проявить эпистемическую ответственность как интеллектуальную добродетель.

Переформулируем эти составляющие применительно к субъектам цифрового общества. На первом уровне Готто внимательно читает информацию о вакцинах, размещенную на страницах друзей в социальной сети. Если внезапно в его голове произошли неврологические нарушения и он стал путать факты – то он не ответственен за то, что он сообщил нам странные или неверные сведения. Кроме того, на данном уровне рассмотрения Готто ответственен и за точность передачи сведений, но пока не за сам источник информации. В этом случае мы рассматриваем Готто как осуществляющего «расширенную» когнитивную активность в определенном эпистемическом окружении. Это окружение может быть недружественным и помешать адекватному использованию когнитивного расширения, но в рамках приписывания эпистемической ответственности оно фигурирует как значимый для нашей оценки контекст – как источник каузального оправдания.

Однако гораздо чаще неверные суждения Готто могут быть связаны не с неаккуратностью или провалом в памяти, а с тем, что он попал в «информационный пузырь», где излагается только позиция антивакцинаторов. Конечно, такие пузыри – сфера ответственности владельцев социальной сети. Но и Готто также ответственен за формирование вокруг себя окружения, представители которого, как правило, выражают псевдонаучные взгляды. Готто повел себя безответственно, исключая из круга общения тех агентов, кто излагал иную позицию, сколь бы мало их ни было. Он может быть ответственным за то, чтобы оценить возможные препятствия, которые могут помешать ему в рамках когнитивного «расширения» сформировать истинные или хотя бы обоснованные убеждения. И в тот момент, когда Готто полагается на эту часть эпистемического окружения, он не должен рассматривать уже известные ему препятствия как потенциальные оправдания.

Список литературы

Бахтин 2003 – Бахтин М.М. К философии поступка // Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 1. М.: Русские словари, 2003. С. 7–68.

References

Code, 1993 – Code, L. “Taking Subjectivity into Account”, in: Alcoff, L. & Potter, E. (eds.) *Feminist Epistemologies*. New York, London: Routledge, 1993, pp. 15–48.

Bakhtin, M.M. “K filosofii postupka” [Toward a Philosophy of the Act], in: Bakhtin, M.M. *Sobraniye sochineniy* [Collected works], in 7 vols. Moscow: Russkiye slovari, 2003, vol. 1, pp. 7–68. (In Russian).

Battaly, 2018 – Battaly, H. “Extending Epistemic Virtue: Extended Cognition Meets Virtue Responsibilism”, in: J.A. Carter et al. (eds.) *Extended Epistemology*. Oxford: Oxford University Press, 2018, pp. XX.

Boyd, 2019 – Boyd, K. “Epistemically Pernicious Groups and the Groupstrapping Problem”, *Social Epistemology*, 2019, vol. 33, no. 1, pp. 61–73.

Campbell, 1998 – Campbell, R. *Illusions of Paradox: A Feminist Epistemology Naturalized*. New York et al.: Rowman and Littlefield, 1998.

Cappelen, 2018 – Cappelen, H. *Fixing Language: An Essay on Conceptual Engineering*. Oxford: Oxford University Press, 2018, 224 pp.

Carter, 2018 – Carter, J.A. “Virtue Epistemology and Extended Cognition”, in: H. Battaly (ed.) *Routledge Handbook of Virtue Epistemology*. Abingdon: Routledge, 2018, pp. 420–433.

Clark, 2010 – Clark, A. “Memento’s Revenge: The Extended Mind, Extended”, in: R. Menary (ed.) *The Extended Mind*. Cambridge, MA: MIT Press, 2010, pp. 43–66.

Clark, Chalmers, 1998 – Clark, A., Chalmers, D. J. “The Extended Mind”, *Analysis*, 1998, no. 58 (1), pp. 7–19.

Code, 1984 – Code, L. “Toward a ‘Responsibilist’ Epistemology”, *Philosophy and Phenomenological Research*, 1984, vol. 45, no. 1, pp. 29–50.

Code, 1991 – Code, L. *What Can She Know? Feminist Theory and the Construction of Knowledge*. Ithaca, London: Cornell University Press, 1991, 349 pp.

Code, 2006 – Code, L. *Ecological Thinking: The Politics of Epistemic Location*. Oxford: Oxford University Press, 2006, 344 pp.

Frankfurt, 1969 – Frankfurt, H. “Alternate Possibilities and Moral Responsibility”, *The Journal of Philosophy*, 1969, vol. 66, no. 23, pp. 829–839.

Heersmink, 2018 – Heersmink, R. A “Virtue Epistemology of the Internet: Search Engines, Intellectual Virtues and Education”, *Social Epistemology*, 2018, no. 32 (1), pp. 1–12.

Hetherington, 2002 – Hetherington, S. “Epistemic Responsibility: A Dilemma”, *Monist*, 2002, no. 85 (3), pp. 398–414.

Kelp, 2013 – Kelp, C. “Extended Cognition and Robust Virtue Epistemology”, *Erkenntnis*, 2013, no. 78, pp. 245–252.

Kirsch, Maglio, 1994 – Kirsh, D., Maglio, P. “On distinguishing epistemic from pragmatic action”, *Cognitive Science*, 1994, no. 18, pp. 513–549.

Levy, Savulescu, 2020 – Levy, N., Savulescu, J. “Epistemic responsibility in the Face of a Pandemic”, *Journal of Law and the Biosciences*, 2020, vol. 7, no. 1, Isaa033. [<https://doi.org/10.1093/jlb/lsaa033>, accessed on 28.08.2021]

Lynch, 2016 – Lynch, M. *The Internet of Us: Knowing More and Understanding Less in the Age of Big Data*. New York: W.W. Norton and Company, 2016, 256 pp.

MacIntyre, 2007 – MacIntyre, A. *After Virtue: A Study in Moral Theory*, 3rd ed. Indiana: University of Notre Dame Press, 2007, 286 pp.

Miller, Record, 2016 – Miller, B., Record, I. “Responsible Epistemic Technologies: A Social-Epistemological Analysis of Autocompleted Web Search”, *New Media & Society*, 2016, vol. 19, no. 12, pp. 1945–1963.

Montmarquet, 1992 – Montmarquet, J. “Epistemic Virtue and Doxastic Responsibility”, *American Philosophical Quarterly*, 1992, vol. 29, no. 4, pp. 331–341.

Munzer et al., 2006 – Munzer, S., Zimmera, H.D., Schwalma, M., Bausb, J., Aslan, I. “Computer-assisted Navigation and the Acquisition of Route and Survey Knowledge”, *Journal of Environmental Psychology*, 2006, no. 26, pp. 300–308.

Pritchard, 2018 – Pritchard, D. “Extended Virtue Epistemology”, *Inquiry*, 2018, vol. 61, no. 5–6, pp. 632–647.

Rettler, 2018 – Rettler, L. “In Defense of Doxastic Blame”, *Synthese*, 2018, no. 195 (5), pp. 2205–2226.

Sartorio, 2016 – Sartorio, C. *Causality and free will*. Oxford: Oxford University Press, 2016, 188 pp.

Schwengerer, 2020 – Schwengerer, L. “Online Intellectual Virtues and the Extended Mind”, *Social Epistemology*, 2020, vol. 35, no. 3, pp. 312–322.

Sebastián, Rudy-Hiller, 2021 – Sebastián, M.Á., Rudy-Hiller, F. “First-person Representations and Responsible Agency”, *AI. Synthese*. 2021. [<https://doi.org/10.1007/s11229-021-03105-8>, accessed on 28.08.2021].

Simon, 2015 – Simon, J. “Distributed Epistemic Responsibility in a Hyperconnected Era”, in: L. Floridi (ed.) *The Onlife Manifesto. Being Human in a Hyperconnected Era*. Luxembourg: Springer, 2015, pp. 145–160.

Zagzebski, 2001 – Zagzebski, L. “Must Knowers Be Agents”, in: Fairweather, A. & Zagzebski, L. (eds.) *Virtue Epistemology: Essays on Epistemic Virtue and Responsibility*. Oxford: Oxford University Press, 2001, pp. 142–157.